Иван купеческий сын и его невеста-волшебница

Жил-был купец. У купца ни единого сына не было. Он ездил по ярманкам — не долго и не скоро, года три или четыре. Не замечал он дома, что оставалась жена беременная. Нонешний год отправляется в прочие державы за товаром; та́мока проторговал три года, жена родила сына.

Через три года он отправляется домой. Ехал сухопутьем там много ли, мало ли, досталось ему ехать по́ морю. День очень был жаркий; захотелось ему почерпнуть воды. Его Сам с ноготь-борода с локоть Токман Токманыч морской царь схватил, взял его и говорит, что «отдай, что дома не знаешь!». И он ему отдавал все: сам себя (?) отдавал, и дом отдавал, и все. — «Только меня не топи! Возьми чего хочешь, только меня не шевелив» — «Распишись своей рукой!» — Разрезал свой пальчик, расписался своей кровью. Получил это письмецо. И отправляется своей путей домой.

Подъезжает к своему городу, заезжает в свою улицу. Когда заехал до своего дворца, жена сидела под окошечком на улке со своим сыном. Когда мати увидала своего мужа, кричит своему сыну: «Папаша едет!» — И он кинулся бежать к нему. Мальчишка добегает: «Что это за мальчишка бежит? Кучер, остановись!» — Принял его и до своего дворца довез. — «Это у нас мальчик родился!» — говорит мать. — Он себя за бородку схватил: «Ну, я отдал единственного сына!»

Своей жене этого ничего не сказал. Письмецо положил в самое наилучшее матерье.

Мальчик вырос лет 17-ти, стал по лавкам ходить, приказчиков проверять. Приезжает из прочих земель купец и говорит: «Подайте-ка мне такого-то матерья!» — Заскакивает приказчик на лавку, выбрасывает штуку и смотрит: в этом матерьи кака-то бумажка. — «Ваня! Вот кака-то бумажка!» — «Ну-ка, я погляжу! Меня тятя отдал Токман Токманычу морскому царю!»

«Мне эшта проживать нечего! Надо идти его разыскивать, где он проживает. Я пойду... Ну, родимый тятенька и родимая мамонька! Напекайте мне придорожнички: я отправляюсь искать морского царя». — Отец с матерью заревели.

Отправился. Шел, шел, дошел до избушки; стоит избушка на куричьей голяшке, повертывается. Зашел в избушку: лежит в избушке Баба-Яга. — «Фу-фу-фу! Русского духу слыхом не слыхала, а русский дух сам в избу зашел! Куда же ты, Иван купеческий сын, пошел?» — «Напой, накорми, потом вестей расспроси!» — Она... — стол подёрнула, ... — щей плеснула, ...потрясла — булок нанесла... Напоила, накормила, стала дело расспрашивать. — «Куда же ты, Иван купеческий сын, пошел?» — «Я, бабушка Ягишна, пошел к Токман Токманычу морскому царю». — «Хо, хо! Ты далеко залезаешь! Айда подале, есть у меня сестра постаре, так она больше знает!»

Дошел до нее, зашел в избушку. — «Фу-фу-фу! Русский дух сам в избу зашел!»... Напоила, накормила, стала дело расспрашивать.

«Я тебе помогу!» — «Помоги, помоги, бабушка!» — «А вот прилетят ко мне десять голубиц, я их напою-накормлю; потом прилетит Марфа Токмановна, дочь его, и со своей служанкой. Когда ей стану всяко кушанье подавать, последне кушанье — картошки с молоком — и скажу ей, что «вот тебе, Марфа Токмановна, женишка-то!» — Она хотит меня ударить. (Я тебя посажу за печку, ты сиди.) Из-за печки выскакивай и тут ее лови! Если поймаешь, то ты будешь человек, а не поймаешь — погибнешь!»

Прилетела Марфа Токмановна со своей служанкой и села на заличинку и кричит старухе: «Выпусти русскую кошку из избы!» — Она ей отвечает, что «Никого же у менянету!» — «Выпусти!» — «Эх ты, Марфа Токмановна! Ты по воздуху летала, русского духу нахваталась!»

Зашла в избу. Она стала ей подавать кушанье. Последнее кушанье — картошки с молоком. — «Вот бы тебе, Марфа Токмановна, женишка-то!» — Он выскочил из-за печки, хотел ее схватить и не мог ее схватить; одно перо из нее выдернул. Она успела голубком свернуться и вылетела из избы.

«Ну уж, Иван купеческий сын, еще ты умолил! Вот завтрашнего дня будет день ятный, жаркий; она вот на такое-то место прилетает купаться — и ты у ней платьице скради! Прилетят их 12 голубиц, и все они платьица положат вместе; она положит óдаль, — ты его и скради!»

Отправляется он на место, сидит, дожидается. 12 голубиц прилетели, начали купаться; раскупались — улетели насреди моря. Он подкрался, платьице и украл. Когда накупались, выходят на берег — все платьица целы, у одной нетука. Оделись, свернулись и улетели; она осталась в воде.

Она говорит в воде: «Кто у меня платьице скрал: если дядюшка — будь мой родимый дядюшка, если тетушка — будь моя тетушка, если девица — будь моя сестрица, если молодец — будь обрученный мой муж». — Он у ней платьице бросил, она снарядилась. Он к ней подходит. Махнула ширинoчкой, и сделалась перед ним кроватка.

Полюбезничали. Она и говорит ему: «Ну, теперь полетим, Иван купеческий сын, к моему папаше! Я тебя сделаю голубем, сама голубкой. Когда прилетим, бейся об землю, не жалейся! Если пожалеешься, то вечно голубком пролетаешь».

«Когда же у моего папаши пробудешь, ко мне вечерком приходи: под которым окошечком салфетка вьется, тут я и живу!.. Еще я тебе скажу: когда прилетим, ты скричи громким голосом, молодецким посвистом: «Токман Токманыч, твой верный слуга пришел!» — Он услышит твой голос, бросится на тебя и поведет тебя в покои».

У него было два лакея, и он их загонял, этих лакеев; и они этот день насилу проводили. И они говорят между собой: «Пойдем, товарищ, сходим к Ваське Широкому Лбу в острог! И он какую-нибудь хижину на него найдет, — он (Токман Т.) его убьет завтра».

Пришли к Ваське Широкому Лбу в острог: «Васька Широкий Лоб, не знаешь ли какую-нибудь хижину найти на человека? К нам сегодня какой-то человек пришел, и нас сегодня барин загонял!» — «А вот что: если с каждого чина по ведру вина и по пятьдесят рублей денег не пожалеете, я вам скажу!» — «Не жалеем!»

«Вот он хочет это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была (из новой муки)».

Они пришли к своему барину: «Токман Токманыч! Твой верный слуга сам собой возвышается, тобою выхваляется: вот это море он хочет завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки!» — Он его призвал к себе: «Что ж ты, мой верный слуга, сам собою возвышаешься, а мною выхваляешься? Ты хотишь вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки!» — «Батюшка, Токман Токманыч, у меня сроду саба́ну в руках не бывало!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он отправляется к своей сударушке. А уж она знает, что ему отец такую службу задал.

Заходит в избу. — «Что ж ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Твой папаша мне службу задал! Завтра, наверно, мне в петлю полезать?» — «Какую же службу?» — «Вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки».—«Молись Спасу, ложись спать! Утро мудренее вечерка».

Она вышла на крыльцо и переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос — скричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Вот что! Сослужите мне службу: вот это море завалить и спахать и сборонить, чтобы к утру просвира готова была из новой муки!» — «Слушаемся!»

Поутру встает — просвира готовая на столе. Она его и будит: «Ну, миленький мой! Не пора спать, пора вставать, пора к тятеньке нести гостинец!» — Он умылся, снарядился, отправился к нему.

Когда принес гостинец, этих слуг он (Токман Т.) еще пуще стал гонять; насыпал для них гороху на пол: что «напраслину на моего слугу наносите». — Опять они (слуги) стали им кушанье подносить, напоили-накормили их.

Потом и говорят: «Пойдем к Ваське Широкому Лбу в острог!..» — «Ну, Васька Широкий Лоб! Сделал! Давай каку-нибудь хижину на него найди еще!» — «Я придумал! Но с каждого чина по ведру вина и по пятьдесят рублей денег!.. — Это ему не сделать! Пойдите, скажите своему барину, что он хочет сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!»

Они пришли, сказали своему барину, что «Токман Токманыч! Твой верный слуга сам собой возвышается, тобою выхваляется: он хочет сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — Он (Токман Т.) скричал его: «Что же ты, мой верный слуга, сам собой возвышаешься, мною выхваляешься? Ты хотишь сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — «Батюшка Токман Токманыч! У меня сроду в руках камню не бывало!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он не может дождаться, этот день когда пройдет — и пойти к своей сударушке. Приходит. — «Что ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Хоть в петлю полезай! Вот какую мне службу задал: сделать церкву на Тияне острове, на океане-море, хрустальный мост — чтобы в шесть часов к. заутрене ударить!» — «Молись Спасу, ложись

спать!»

Она вышла на крыльцо, переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос, — вскричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Сослужите мне службу: сделать церкву на Тияне-острове, на океане-море, хрустальный мост, чтобы в шесть часов к заутрене ударить!» — «Слушаемся, сделаем!»

Она его и будит в 4 часа: «Не пора спать, пора вставать, пора к тятеньке на службу пойти!» — Она ему дает золотых гвоздей и золотой молоток и гармазинова сукна. — «И сиди и вбивай края, и как будто ты это все дело сделал! И когда шесть часов ударит, к заутрене ударит, мой папаша полетит на своих на добрых конях и схватит тебя и увезет в церковь. Там литургия идет...»

Литургия когда кончилась, они отправляются опять домой.

И начинает этих слуг еще пуще гонять: «Зачем напраслина на моего слугу наносите!» — Когда они им кушанья носили, и говорили меж собой: «Пойдем опять к Ваське Широкому Лбу в острог!»

«Ну, Васька Широкий Лоб! Сделал! Давай какую-нибудь хижину на него найди еще!» — «Придумал! Но с каждого чина по ведру вина и по полтораста рублей денег!» — «Не жалеем!»

«Скажите своему барину, что он хочет сделать корабь — чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами!»

Пришли они, сказали своему барину, что «он хочет сделать корабь, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — Он (Токман Т.) скричал его: «Ты хотишь сделать корабь, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами!» — «Батюшка Токман Токманович! У меня сроду в руках топора не было!» — «А вот мой меч, а тебе голова с плеч!»

Он этот день насилу проводил: когда к сударушке пойти. Приходит. — «Что ты, миленький мой, призадумался?» — «Как же мне не призадуматься? Вон какую мне службу задал!» — «Какую?» — «Что вот корабь чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — «Молись Спасу, ложись спать!»

Она вышла на крыльцо, переметнула с руки на руку кольцо — выскочили 33 молодца — лицо в лицо, волос в волос, — скричали в один голос: «Что, барыня-сударыня, угодно?» — «Последнюю мне службу вы сослужите:

сделать корабь, чтобы ходил горами, и морями, и сухими берегами». — «Далеко ты залезаешь, Марфа Токмановна! Нам не сделать!» — «Сделайте мне!» — «Нет, не сделать».

Один из среды их сказал ей: «Нам не сделать, а за триста морей и за триста земель есть подрядчик, так он, может быть, и сделает». — «Ну, полетайте кто-нибудь поскорее и сейчас чтобы он явился ко мне на глаза!» — Полетел один и привел его. Ей сказали. Она вышла и говорит: «Сделай мне корабь!.. В шесть часов чтобы готов был». — «Можно, Марфа Токмановна, изладить!» — Изладили, разбудили ее: «Пора у нас работу принимать!»

Вышла на крыльцо — корабь середь двора стоит. Подходит этот самый подрядчик и говорит: «Этот самый корабь будет действовать лентой. Я тебе дам ленту — этой лентой правь, положь ее в рукав; ленту дерни кверху, он полетит поверху; ленту ниже опусти, он полетит понизу». Когда она получила от них эту ленту, и пошла будить своего мужа. — «Не пора спать, пора тебе ехать к тятеньке на корабле! Вот, на ленту и этой лентой правь!» — Вышел на двор; она ему и говорит: «Не просиживайся у отца, когда вы полетаете, и прилетайте поскорее!»

Перелетел через ворота; ленту спустил ниже — он (корабь) полетел по́низу. Прилетел к поратному крыльцу и скричал ему громким голосом, молодецким посвистом: «Токман Токманыч! Твой верный слуга прилетел на корабле!» —Токман Токманыч бежал в одном халате и прямо прыгнул ему в корабь. Долго ли, мало ли они летали и назад обратились. Прилетели к поратному крыльцу. Токман Токманыч бежать в свои покои. Он (Иван купеческий сын) вернулся и был таков — к своей сударушке.

«Ну, уж теперь, миленький мой, давай поскорее отсель улетим! Сейчас за нами посол будет: отец мой догадался, что ты проживаешь у меня!» — Она взяла за печку три харчка плюнула. — «Бы, харчки, отвечайте тут, если придут за нами! В первый раз придут, вы скажите, что «сейчас идем». Во второй раз придут, скажите, что «сейчас обуемся». А в третий раз придут, скажите, что «оденемся». В четвертый раз придут, скажите, что «улетели они давным-давно».

Пришел посланник... Он (Токман Т.) затрубил в трубу, нагнали воины. — «Что нужно?» — «Догнать мне беглецов — дочь мою и милыша ее!» — Погнали погонщики. Она и говорит: «Полетай вверх горностальком — ворон клокчет или сорока чокчет?» — Он пал к земле и слушает, что ворон клокчет. Она его и сделала козлушкой, а сама сделалась старушкой и сидит

доит.

Подгоняют погонщики. — «Бог помощь тебе, бабушка!» — «Милости просим!» — «А не проходила ли девица с молодцóм?» — «Нет, я никого не вижу: 30 лет сижу, козлушку дою, и то никого не вижу!». — Они обратились назад. Приезжают и сказывают, что «никого нет! Что вот догнали такую-то старушку: она сидит, доит козлушку...»

«Еще гонитесь дальше!» — Погнались. Она и говорит: «Полетай, миленький, вверх горносталькой: ворон клокчет или сорока чокчет?» — «Ворон клокчет». — «Ну, это не погоня, а погонюшка! А погоня вся впереди!» — Она махнула ширинкой, и сделалась часовенка. Сама сделалась попом, а его сделала дьяком, и служит в этой часовенке. Пригоняют погонщики и смотрят: литургия идет. Когда литургия отошла, один подходит и говорит: «Не проходила ли этта девица с молодцом?» — «Ох, батюшка, уж у нас часовенка на подпорах — никого не видим!»

Она будто не знает, что от кого это гонятся, и спрашивает у одного: «Вы кого догоняете?» — «Дочь Токмана Токманыча с милышем!» — «Ох, Токман Токманыч мне большой друг! Погодите, я ему письмецо напишу». — Пошла тамока положила дряни и запечатывала; и написала и говорит: «Родимый мой тятенька, не умел от меня сладкие конфеты поесть, так вот поешь дряни!»

Он на это осердился. А у него жена волшебница страшная была, за двенадцати дверями и на двенадцати цепях сидела. А эта дочь превышила ее еще волшебством. Она (жена Токмана Т.) бьется и говорит: «Отпусти, миленький мой! Я их, этих беглецов, поймаю!» — Он отпустил, она полетела.

Она и говорит: «Ну, миленький мой! Полетай вверх горносталькой — ворон клокчет или сорока чокчет?» — «Сорока, говорит, чокчет!» — «Вот это погоня: это мать летит наша, волшебница!» — Она махнула ширинкой, и сделалась огненна река, и среди огненной реки сделалась кроватка — и она лежит со своим с мужем обнявши. Прилетает мать и говорит: «Ах! — говорит, — б...ь, успела обняться с милышем-то! А то бы я вас увела!» И она стала говорить: «Эх, милая дочь! Я вас долго не видала и твоего мужа не видала! Дай-ка я вас благословлю, и ступайте куды знаете!»

Махнула она щеточкой, и сделался через огненну реку мост. Она и пошла. Дошла до половины и говорит: «Теперь из моих рук никуда не девайтесь! Я

теперь вас уведу!» — Махнула ширинкой (дочь) — она (мать) провалилась. — «Ну, миленький мой, теперь нам бояться некого! Теперь пойдем в твое поместье!»

Шли много ли, мало ли, дошли до его поместья. Версты за две не доходя, она спрашивает: «Далеко ли твое поместье?» — «А вот версты две еще!» — Пошли они еще, отошли с версту. — «Далеко ли твое поместье?» — «Еще с версту».

Дошли до поместья. — «Ну, миленький мой, иди со мной!» — Зашли в сторону, к дубу. — «Вот ты когда, миленький мой, задумаешь жениться, приезжай к этому дубу! Я выйду преболынущей змеей. А больше никого не бери — дружку да сваху. Там станут говорить: «Бей!» — а ты говори: «Не смей! Сзади казна и по бокам казна, а спереди молода жена!» Ударь меня плеткой, я и сделаюсь девицей!»

«Еще я тебе буду говорить: когда же ты придешь к своему папаше, всех в уста целуй, отца с матерью не целуй в уста! Если поцелуешь, то ты меня забудешь!»

Он пришел домой. Обрадовались, всех сродственников собрали: что Ваня пришел. Всех в уста поцеловал, отца с матерью не целует в уста. Дядя родной подошел к нему и говорит: «Почему же ты, Ваня, отца с матерью не целуешь в уста?» — Ему как нехорошо и сделалось; он отца с матерью и поцеловал в уста. И про нее и забыл.

Она (Токмановна) поселилась напротив купца: выпросилась на квартеру.

Отец имел у него (Ивана) две лавки; два приказчика было: Александр и Евгений (а третий — Иван). Саша и говорит: «Вот тут какая-то красавица проживает у старушки. На вечёрки к ней!» На первой вечер Александр пошел. Приходит под окошко, стучится в окно. Она как знает, что это от того купца пришел приказчик: «Пусти, бабушка, его!»

Он зашел в избу, начал с ней любезничать. Играли, играли тамока, она и говорит: «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Было у него деньжонок взято рублей 20. Она его и обыграла.

«Эх, бабушка, я сегодня шила ковер, да в сенках-то и забыла; поди, сходи!» — «Эх ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела; ты сама помоложе меня — и сходи!» — Александр добрый выискался, побежал на двор; у них был дров костёр наложен, он и давай дрова рубить. Всю ночь дрова прорубил.

На другой вечер достается другому приказчику пойти. Пошел Евгений. Приходит к окошку, стучится в окно. — «Бабушка, пусти его!» — Зашел в избу. — «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Она его и обыграла, — «Бабушка, я сегодня ковер в сенках шила, забыла; поди, сходи!» — Добрый выискался Евгений; побежал на двор. А у них назёму было множество. Он и давай назём таскать всю ночь. И три парника натаскал этого назёму.

Рассветало, и он бежать. Приходит. Лавки когда отворили, и стал советовать.— «Ну, как, товарищ?» — «Ну, и хорошо, — говорит, — она обращается!»

На третий вечер купеческому сыну достается пойти. Приходит к окошку, стучится в окно. — «Бабушка, пусти его!» — Зашел в избу. — «Не желаете ли в карточки поиграть?» — «Можно». — Она и его обыграла. — «Бабушка, я ковер-то шила, да в сенках и забыла; поди, сходи!» — «Эх ты, милая дочь, я-то стара, ...-та тяжела; ты сама помоложе меня — и сходи!»

Купеческий сын выискался, пошел в сенки. А там жернова были, у жерновов пять пудов крупы лежало. Он всю ночь промолол крупу. Рассветало, он бежать.

Когда 8 часов, отворили лавки, они сошлись. Купеческий сын говорит приказчикам: «Ну, я сегодни всю ночь работал, крупу молол». — Второй говорит, что «я всю ночь назём чистил». А третий — «я всю ночь дрова рубил». «Ну, теперека это дело молчок! Чтобы никому не говорить, а то нас просмеют».

Враз прожил там неделю или две и сдумал жениться. Посылают сватать. — «Кого же мы станем сватать?» — «Вы больше еттака знаете девок! Я никого не знаю». — Высватали купеческую дочь. Вечер был и два был; на третий день сделали девишник.

Она посылает, эта девица, к этому купцу, где невеста, купить два колобка хлеба. И дала ей сто рублей денег. — «Если же будут тебя выталкивать, ты им говори: вот нате вам за два колобка 50 (или сто) рублей денег!» — Она купила. И сделала из этих колобков голубя и голубку.

Когда девишник нача́лся, она заходит в комнаты и выпускает своих голубей. Они полетали по комнате и сели к жениху и к невесте на стол. И голубь голубку и ударил крылом; голубка отвечает ему: «За что же ты меня, голубь, бьешь?» — «За то я тебя бью... Это не Иван купеческий сын —Марфу

Токмановну забывать!»

Когда слетели со стола и начали опять летать. Сели опять во второй раз, и голубь ударил опять голубку крылом. — «За что же ты меня, голубь, так увечишь?» — «За то я тебя увечу!.. Это ведь не Иван купеческий сын — Марфу Токмановну забывать!» — И опять слетели.

В третий раз сели, и голубь так ударил голубку, что она упала на пол. Она села на стол и говорит: «За что ты меня, голубь, так увечишь?» — «За то я тебя увечу!.. Это ведь не Иван купеческой сын — Марфу Токмановну забывать!»

Он тут вспомнил про нее и враз захворал. Девишник разошелся. Пропускает с неделю и говорит, что «нужно мне жениться». «У нас невеста высватана!» — «Это мне не невеста! У меня невеста в лесу и в дубу... Ну, теперь меня благословляйте — я поеду жениться!»

Благословили, и он отправился, взял дружку и сваху. Приехал к тому дубу. И выходит пребольшущая змея. Дружка и сваха говорят, что «бей!» А он говорит: «Не смей! Сзади казна и по бокам казна, а спереди молода жена!» Ударил плеткой, и сделалась девицей.

Посадили ее и уехали в церковь и обвенчались.

(Зап Зелениным от Е. И. Сигаева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "Морской царь и Василиса Премудрая".